

ПЕРЕЧИТЫВАЯ КНИГИ

3. ПАПЕРНЫЙ

Америка глазами Маяковского

Об увиденном в Америке Владимир Маяковский сказал образно и в то же время математически точно:

Я стремился
за 7000 верст вперед,
а приехал
на 7 лет назад.

Он писал это в 1915 году, на восьмом году революции. «Приехать на 7 лет назад» — это значило снова попасть в страшный мир капиталистического рабства, с которым Россия покончила в Октябре.

В Соединенных Штатах Америки Маяковский снова столкнулся лицом к лицу с царством «капитала — его прехохабия». И снова жили в его душе прежние образы — жгучие, гневные, сильные, но уже лишённые того безвыходно-трагического звучания, которое характерно было для его до-революционной поэзии. Центральный среди них — образ Америки, огромной капиталистической тюрьмы. Ровные стриты и авеню Бродвея напоминают ему гигантскую «тюремную решетку». А в момент отплытия из Америки поэт заносит в свою путевую книжку: «Замахнулась кулаком с факелом американская баба-свобода, прикрывая задом тюрьму Острова Слез».

Так была воспринята им гигантская бронзовая статуя — «чудо» XX века, символ американской «свободы». Поэт переосмысливает традиционный символический образ, словно выворачивая его наизнанку, и раскрывает грязную и страшную оборотную «демократии».

Меньше всего он походил на досужего туриста, который с возторженным испугом запрокидывает голову на многоэтажные громадины, благоговейно жмурится перед ослепительными огнями реклам и умиленно расхваливает американский сервис. Глазами Маяковского на капиталистическую Америку смотрела советская Россия. Он был как бы неофициальным представителем могучей социалистической державы, многомиллионного советского народа, и это давало ему необыкновенную силу и зоркость видения. Взгляд поэта проникает в самые темные уголки американской жизни, куда не доходит свет «бродвейской лампочки».

В «разболтушем доме в Нью-Йорке» Маяковский разглядел

старейшие
норки да каморки —
совсем
досктябрьский
Елец аль Конопоп

Словно мощным прожектором, осветил он жизнь американцев, «укрывшихся за каменный фасад». В этом плане заглавие стихотворения «Небоскреб в разрезе» не только не случайно, но внутренне закономерно и принципиально. За стеной небоскреба, неожиданно обнажившегося благодаря смелому поэтическому «разрезу», Маяковский увидел рабий, каторжный труд контрских кидерков, дикое зверство «сэра», избивающего «свою законную миссис», жадность бизнесменов, наживающих темными путями миллиарды, голодную жизнь негра, который с крысами делит жалкие хлебные крохи.

По этому же принципу строится стихотворение «Порядочный гражданин». За гудким шумом элеваторов чуткое ухо поэта ловит «хрип и кашель чухотки». Ханжеские гимны «армий спасения» во славу американской «добродетели» и «порядочности» не могут заглушить волчий вой «банды бесполох старух», катающих «трешницу» в смоле и в перьях.

Пресловутая американская «свобода» оказывается свободой наживы и угнетения; Америка — страной самой «передовой» по методам эксплуатации, царством всеобщей продажности. «Если даже косвенным давлением долларов можно победить должность, славу, бессмертие, — писал Маяковский в книге очерков «Мое открытие Америки», — то непосредственно положив деньги на бочку, купишь все».

И поэт последовательно срывает лживые маски с царства капитала, зло и гневно смеется и издевается над иллюзиями обывателя.

Буржуазная демократия? Но «если выборы в руках, — понимаете сами — трудно ли обзавестись нужными голосами?»

Всеобщее равенство? Писатель сатирически называет Америку Писанский париход своеобразной «моделью» капиталистического государства с его социальной иерархией и несправдливостью: «Классы — самые настоящие... Первый класс тошнит, куда хочет; второй — на третий, а третий — сам на себя».

Свобода печати? Но «газеты в целом проданы так прочно и дорого, что американская пресса считается неподкупной».

Искусство? Оно находится в лакейском услужении у «долларовых воротил».

Эстетика? За каждым украшением, за каждой новинкой моды стоит фирма, до хрипоты рекламирующая свой товар. «Если перед вами идет аскетический спор о женской красе и собравшиеся поделились на два лагеря — одни за стриженных американок, другие за длинноволосых, то это не значит еще, что перед вами бескорыстные эстеты. Нет. За длинные волосы орут до хрипоты фабриканты шпилек, со стрижкой — сократившие производство; за короткие волосы ратует производитель парикмахерских, так как короткие волосы у женщин привели к парикмахерам целое второе стригущееся человечество».

Любовь? Но это слово меньше всего подходит для «деловых» отношений бизнесмена с женщиной.

В одном из очерков Маяковский писал: «Если американец едет с дамой, евшей с ним, он целует ее немедленно и требует, чтобы она целовала его. Без этой «маленькой благодарности» он будет считать доллары, уплаченные по счету, потраченными зря и больше с этой неблагодарной дамой никуда и никогда не поедет, — и сам даму засмеют ее благоразумные и расчетливые подруги».

Маяковский стремится преодолеть и разрушить традиционный образ янки — этакого добродушного, спокойного человека, безукоризненно вежливого, благожелательного, попывающегощего неизменной трубой.

Таких совсем нет, — заявляет он. «Американцем называет себя белый, который даже еврея считает чернокожим, негру не подает руки: увидев негра с белой женщиной, негра револьвером гонит домой; сам безнаказанно насилует неприятельских девочек, а негра, приблизившегося к белой женщине, судит судом Лицца, т. е. обрывает ему руки, ноги и живого жарит на костре».

Такой американец не пустил бы сейчас Пушкина «ни в Нью-Йорк, Введь у Пушкина были курчавые волосы и негритянская синька под ногтями».

С едкой, разоблачительной иронией Маяковский пишет о «мирной» внешней политике США, утверждаемой на деле «силой, дредоутами и долларами».

«Только за одно мое короткое трехмесячное пребывание американцы погромыживали железным кулаком перед мексиканцев... посылали отряды на помощь какому-то правительству, прогоняемому венесуэльским народом; недвусмысленно намекали Англии, что в случае неисполнения долгов может затрещать хлебная Канада, того же желали французам, и перед конференцией об уплате французского долга то посылали своих летчиков в Марокко на помощь французам, то вдруг становились марокканцелюбцами и из гуманности соображений отзывали летчиков обратно. В переводе на русский: гони монету — получишь летчиков».

Знакомые приемы! Немногое нужно изменить в этом великолепном отрывке, чтобы охарактеризовать политику сегодняшней трумэновской Америки, которая точно так же «погромыживает железным кулаком», посылает отряды на помощь антинародным правительствам и предоставляет щедрую помощь долларями в обмен на... государственный суверенитет!

Так последовательно разоблачал поэт темное царство доллара, срывая «все и всяческие маски» с «капитала — его прехохабия».

С точки зрения старого негра, чистильщика обуви Вилли (стихотворение «Блек энд Уайт»), весь мир окрашен в два цвета: белый и черный.

Белый
ест
ананас спелый,
черный —
гнильи моченый.
Белую работу
делает белый,
черную работу —
черный.

И только один вопрос, «закорюка из закорюк», мучил старого Вилли, нарушая «ясность» и четкость социального порядка:

Почему и сахар,
белый-белый,
Должен делать
черный негр?

Вместо ответа он получает страшный удар по лицу от «белого» сахарного короля. Алая кровь заливает черное лицо Вилли, капает на его белую одежду.

Так появляется третий цвет в этом мире строгой социальной разграниченности — цвет крови, цвет революции...

Революция была для Маяковского больше, чем темой, Маяковский-поэт был рожден революцией, могучей революционной бурей, о которой писал Ленин: «Буря, это — движение самих масс». В стихотворении «Атлантический океан», написанном на борту парохода, поэт раскрыл нам мысли и чувства, владевшие им на пути в Америку. Это, прежде всего, мысль о революции.

Безбрежный простор, бегущие по бортам «водяные глыбы, огромные, как года», тревожное гудение и грохот океана — все это напоминает поэту о еще более грандиозной и могучей силе — о революции. Ему, современнику и участнику великих «октябрьских бурь», сыну могучего и вольного народа, по душе размах и простор океана:

Вовек
твой грохот
удержит
ухо.
В глаза
тебя
опрокинуть рад,
По шпирю,
по делу,
по крови,
по духу —
моей революции
старший брат.

И оскорбительно-жалкой кажется жизнь американца — буржуа и обывателя — в сравнении с океанской ширью и мощью революции.

Отсюда неизбежное рождение темы двух миров — широкого, вольного, светлого мира социализма и узкого, сдавленного, тюремного мира буржуазного общества.

С чувством величайшего превосходства советского человека говорит поэт о людях, взращенных этим буржуазным мирком.

Посажённая в магазин для рекламы 17-летняя мисс, с ее убогим «идеалом», не идущим дальше бесплатного «стола и квантиры» да «красивого и толстого» жениха («Барышня и Вульворт»); буржуа — обыватель, о котором поэт пишет с нескрываемым презрением:

Мистер Джон,
жена его
и кот
зажирели,
спят
в своей квартирной норке,
просыпаясь
изредка
от собственных икот.

(«100%»).

— все это люди, у которых жизнь в капиталистической стране отняла большое, настоящее человеческое счастье, подсунув взамен его убогое и жалкое, фальшивое, обывательское «счастье».

Однако Америка «долларовых воротил» и заживших обывателей Джонов не заслонила от поэта другой, рабочей, демократической Америки, с ее миллионами «маленьких людей», честных, но бесправных тружеников — черных и белых. Вспомним старого негра Вилли из «Блек энд Уайт» или голодного бедняка Тома («Сифилис»). Вспомним, наконец, американских комсомольцев из «Кемпа «Нит гедайге», чья революционная песня «Мы смело в бой пойдем» врывается ракетой в «угрюмый и темный мир».

Нет единой и неделимой Америки, утверждает Маяковский. Есть Америка долларов, наживы и агрессии, «ханжества, центов и сала», и есть Америка труда и борьбы, честных и искренних сторонников мира и свободы, верных друзей Советского Союза.

Маяковский сделал верный и решительный вывод о «двух Америках», который будет затем подтвержден многими советскими писателями, побывавшими в Америке, — от Ильфа и Петрова («Одноэтажная Америка») до К. Симонова, («Русский вопрос»).

Чем больше разгоралось в душе поэта чувство гнева и презрения к «царству доллара», тем с большей силой охватывала его могучая и нежная сыновья любовь к советской родине-матери.

Домой! — этим словом поэт, как всегда, удивительно точно выразил свою любовь к родной стране. Огромная социалистическая держава представляется ему большим и светлым домом, где одной семьей живут родные, близкие, советские люди.

Образ родины естественно и закономерно венчает собою американский цикл. Именно в стихотворении «Домой», этом поэтическом итоге всего цикла, звучат незабываемые слова о коммунизме («Нет мне без него любви»), о счастье советского человека, о почетной и священной «работе стихов» в советской стране, о великом Сталине.

Заканчивая свою книгу «Мое открытие Америки», Маяковский писал:

«Может статься, что Соединенные Штаты сообщи́ станут последними вооруженными защитниками безнадежного буржуазного дела, — тогда история сможет написать хороший, типа Уэльса, роман «Борьба двух светов». Цель моих очерков — заставить в предчувствии далекой борьбы излучать слабые и сильные стороны Америки».

Поэт видел тяжелые грозовые облака, заволакивавшие горизонт мира, «Через горы времени» он устремлялся к нашему дню.

И свою книгу об Америке он писал не только для настоящего, но и для будущего, то-есть для нас. Он хотел помочь родине в предстоящем труде и борьбе.

Стихи и очерки Маяковского об Америке написаны свыше двадцати лет назад. Перечитывая сегодня эту изумительную книгу, мы с благодарностью думаем о нашем неумирающем современнике, о поэте-оруженосце великого советского народа; мы с уважением ощущаем «железистый сток», как «старое, но грозное оружие».

Родина наша идет к новым победам, Владимир Маяковский шагает с нами рядом.